

Елена Арсеньева

Белая дама (Франсуаза де Шатобриан – король Франциск I...

*Часть сборника
Преступления страсти. Жажда
власти (сборник)*

Преступления страсти. Ревность

Елена Арсеньева

**Белая дама (Франсуаза
де Шатобриан – король
Франциск I – Жан де Лаваль
де Шатобриан. Франция)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Белая дама (Франсуаза де Шатобриан – король Франциск I – Жан де Лаваль де Шатобриан. Франция) / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
— (Преступления страсти. Ревность)

ISBN 978-5-699-26496-4

«В этом прелестном замке – одном из красивейших в Бретани, входящем в так называемый золотой круг старинных городов-крепостей, – 16 октября экскурсии всегда заканчиваются на час, а то и на два раньше, чем обычно. И вообще сотрудники экскурсионного бюро и обслуживающий персонал Шатобриана – а именно так называется замок – в глубине души своей возносят особую благодарность Пречистой Деве и Иисусу-младенцу, если 16 октября приходится на тот день, когда замок закрыт для публики. Тогда сюда не заходит вообще никто. Даже ночные сторожа (а во всяком музее есть свои ночные сторожа, пусть он даже трижды или четырежды находится на охранной сигнализации!) спят в ночь с шестнадцатого на семнадцатое октября по своим домам...»

ISBN 978-5-699-26496-4

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Белая дама	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Елена Арсеньева

Как его только не называют, как только не чествуют это чувство, и слова «постыдное», «недостойное», «эгоистичное» – самые мягкие для него эпитеты. А между тем нет более естественного чувства для сердца человеческого. Любить, отдавать душу кому-то – и вдруг осознать, что обожаемое создание обратило любовь свою на другого? Разве мы любим для другого? Мы любим для себя, любовь – это наше счастье, именно благодаря ей мы готовы наделять возлюбленного или возлюбленную невероятными, порой несуществующими качествами, высшими добродетелями. Любовь – прекрасный сон, волшебная страна... И неужели можно спокойно, без боли, без горя пережить изгнание из этого рая? Неужели можно не возмутиться всем существом своим против того, кто изгоняет нас и закрывает нам путь к счастью?

Иногда это невозможно пережить. И тогда на помощь к страдающему, обманутому человеку приходит спасительница Ревность. Она дает ему силы пережить горе – она подсказывает ему, в чем найти утешение. В мести! В мести тому или той, кто разбил драгоценный сосуд – переполненное любовью сердце.

Мечь бывает жестока и разрушительна, это правда.

Но ревность – даже самая страшная! – священна, ибо она – всего лишь одно из проявлений любви. Может быть, самое сильное ее проявление, ибо никто не знает, что сильнее, значительнее, важнее: тьма или свет, ночь или день, черное или белое.

Белая дама (Франсуаза де Шатобриан – король Франциск I – Жан де Лаваль де Шатобриан. Франция)

*Любовь ревнивца более походит на ненависть.
Жан-Батист Мольер*

В этом прелестном замке – одном из красивейших в Бретани, входящем в так называемый золотой круг старинных городов-крепостей, – 16 октября экскурсии всегда заканчиваются на час, а то и на два раньше, чем обычно. И вообще сотрудники экскурсионного бюро и обслуживающий персонал Шатобриана – а именно так называется замок – в глубине души своей возносят особую благодарность Пречистой Деве и Иисусу-младенцу, если 16 октября приходится на тот день, когда замок закрыт для публики. Тогда сюда не заходит вообще никто. Даже ночные сторожа (а во всяком музее есть свои ночные сторожа, пусть он даже трижды или четырежды находится на охранной сигнализации!) спят в ночь с шестнадцатого на семнадцатое октября по своим домам.

Хотя нет. Они не спят, отнюдь! Они ворочаются в кроватях, тяжело вздыхают, мешая своим женам, которые, впрочем, не ропщут, ибо привыкли ко всему и знают, что за все на свете надо платить... даже за необременительную и весьма доходную службу их мужей. В конце концов, неудобства причиняет только одна ночь в году. А на завтра все снова войдет в свою привычную и удобную, безмятежную колею. До следующего 16 октября. Поэтому дамы эти не издадут ни звука, когда ближе к полуночи их мужья поднимаются с постелей и приникают к окнам. Охрана Шатобриана живет в служебных помещениях, которые находятся поблизости от замка, а потому сторожам хорошо видны серые, увитые плющом стены, смутные, тающие в темноте очертания донжона, промельки лунного света в узких, лишь в новейшие времена застекленных окнах верхних этажей.

Этот лунный свет – такая обманчивая штука! Когда смотришь издали, совершенно невозможно понять, то ли и впрямь луна выглянула из-за тучки, то ли там... кто-то неспешно идет из покоя в покой... какая-то фигура со свечой в руке...

Иногда фигура приближается к окну и стоит некоторое время неподвижно. Если сильно напрячь зрение, можно разглядеть узкую женскую руку, которая загорает пламя свечи, дабы оно не мешало всматриваться в темноту. Пальцы этой нежной руки освещены так ярко, что видно: они увиты какими-то странными темными нитями.

«Что же это за нити такие?» – задумается досужий наблюдатель. Может быть, бахромы длинных рукавов? Правда, немножко странно, отчего же у белого платья вдруг темная бахрома?

Да, а то, что дама-полуночница, бродящая в означенную ночь по замку Шатобриан, одета в белое платье, тоже может наблюдать всякий, у кого достанет смелости ждать. Постояв у окна, она вскоре выйдет на галерею и начнет то мерить ее нетерпеливыми шагами, то подойдет к самым перилам и встанет там, простирая руки к темному, взволнованно шумящему лесу. Говорят, что особенным храбрецам, которые решились в ночь с 16 на 17 октября покинуть свои дома и приблизиться к стенам замка, доводилось слышать женский голос, тоскливо выкликающий в ночи:

– Франциск! О мой возлюбленный король! Вернись ко мне!

Впрочем, некоторые скептики уверяют, будто сии так называемые храбрецы либо приняли совиный ночной клич (а в окрестностях Шатобриана водится много сов) за человеческий, либо, что скорее всего, перебрали накануне граппы, крепкой виноградной водки.

Итак, насчет голоса и жалобного крика – на сей счет можно спорить. Однако касаясь женской фигуры в белом никаких сомнений не возникает: ходит, ходит по Шатобриану в ночь с 16 на 17 октября дама в белом, ходит, и светит в окна, и простирает тоскливо руки к темному лесу, куда однажды ускакал от нее ее возлюбленный... ускакал, чтобы никогда больше не воротиться... всю ночь ходит она, а под утро исчезает, чтобы вновь появиться ровно через год, в годовщину своей страшной смерти. Говорят также, что, если очень-очень внимательно присмотреться к стенам галереи, можно разглядеть чуть заметные кровавые следы, оставшиеся там, где она коснулась каменной кладки своими тонкими белыми пальцами. Ведь никакими не темными нитями, никакой не бахромой увиты они – то струйки крови, пролитой почти пятьсот лет назад, запеклись на ее руках.

Разумеется, никто из сторожей, уборщиков, экскурсоводов и экскурсантов кровавые следы на стенах галереи не выискивает. Вот еще, кошмаров потом не оберешься! Все и так знают трагическую историю Белой Дамы... некогда прекраснейшей женщины Французского королевства по имени Франсуаза де Шатобриан, фаворитки Франциска I, жертвы жестокой ревности, заплатившей за свою любовь к королю жизнью.

Началась эта история давным-давно, 4 сентября 1505 года, во время одного обручения. Нравы в те приснопамятные времена были, надобно сказать, более чем странные! Никого из собравшихся в церкви Сен-Жан-дю-Дуа почему-то не удивляло, что девятнадцатилетний юноша обручается с одиннадцатилетней (!) девочкой. Более того: он с ней не просто обручался, а намерен был увезти девочку в свой замок и сделать там ее своей женой еще до венчания: ведь под венец по закону можно было пойти только с четырнадцатилетней.

Видимо, очень сильно любил Жан де Лаваль, сеньор Шатобриана, Франсуазу де Фуа, кузину королевы Анны Бретонской и ее фрейлину. Настолько сильно любил, что не в силах был дожидаться, пока она подрастет. Впрочем, девица выглядела старше своих лет, и фигура у нее уже настолько оформилась, что так и приковывала к себе взгляды собравшихся в церкви баронов. Анна Бретонская втихомолку радовалась, что устроила своей кузине такую выгодную партию и так вовремя отдала ее в суровые мужнины руки. Слишком уж хорошенькая была эта Франсуаза, вино ее прелести так и ударяло мужчинам в голову. Но самое главное – она принадлежала к числу тех увлекающихся натур, которые сами же в первую очередь от собственного вина пьянеют и горазды наделают всяких глупостей. Ничего-ничего, чем раньше маленькая Франсуаза окажется прикована к супругу, тем спокойней жизнь проживет!

Жан де Лаваль придерживался такого же мнения. Венчан или не венчан, законно или незаконно, однако он в тот же вечер уложил прелестную Франсуазу в свою постель. Спустя год она родила дочь – и началась ее семейная жизнь, может быть, скучноватая, но вполне добродетельная. В положенное время она стала законной супругой Жана де Лавалья и перед алтарем поклялась хранить ему верность всю жизнь и даже после нее. Умные люди говорят, что, прежде чем начать грешить на деле, мы сперва грешим в помыслах своих. Да и то – предается греху лишь тот, кто поддается соблазну. Окружение мадам де Лаваль де Шатобриан никакого соблазна для нее не представляло, а потому супруг ее был уверен, что взял в жены святую.

На самом же деле Франсуаза, выйдя замуж сущим младенцем, таковым же и оставалась, несмотря на то что и дочь родила, а потом ее утратила (Бог дал, Бог и взял!) и каждую ночь делила ложе с молодым сильным мужчиной. Выражаясь языком той эпохи, садовником Жан Лаваль был ретивым, но... без фантазии. О том, что в постели получает удовольствие не только мужчина, но и женщина, он, может быть, когда и слышал, но от слухов тех отмахнулся, как от чего-то лишнего и совершенно ему ненадобного. Старался, словом, для себя одного, а Франсуаза была слишком несведуща в любви, чтобы ожидать от лежащего на ней мужчины еще чего-то, кроме упорных движений вверх-вниз или вперед-назад – это было все разнообразие, которое Жан де Лаваль себе позволял.

А между тем, оставаясь по сути своей бутоном, внешне Франсуаза к двадцати двум годам превратилась в самый настоящий цветок, и правильно говорят знающие люди, что расхожее выражение *la rose bretonne*, «бретонская роза», обозначающее молодую женщину во всей красе, родилось именно тогда, когда вся Бретань начала полниться слухами о красоте мадам де Шатобриан.

Дошли слухи и до Блуа (где в те времена размещался королевский двор), а значит, и до человека, который слыл самым галантным кавалером Франции, – до самого короля Франциска I.

Надо сказать, что славился король не только галантностью, но и бесчисленными амурными похождениями. Ему едва исполнилось двадцать лет, однако количество его любовниц невозможно было перечислить. Сила его мужская была просто-таки неистощима, и некоторые говорили, что ему следовало бы выбрать для своей эмблемы не саламандру, а птицу феникс, ибо он способен был за одну ночь не меньше десятка раз «сгореть» в пламени страсти – и возродиться для новых подвигов в одной и той же постели. Или в десятке других. Это уж как получится.

– Королевский двор без красивой женщины все равно что год без весны и весна без роз, – уверял Франциск и собирал все новые и новые букеты этих «роз» день за днем и ночь за ночью.

Законная его супруга, добрая королева Клод (именно под таким именем она и вошла в историю Франции), была так влюблена во Франциска, что лишь руками разводила при слухе об очередной победе, одержанной им над добродетелью какой-нибудь дамы: жест сей означал, что идолу ее сердца и властелину ее судьбы дозвоительно все. Абсолютно все! Тем более что не родилась еще на свет женщина, которая могла бы отказать этому куртуазнейшему королю.

Что и говорить, рождаются иногда на свет такие мужчины, созданные Творцом на погибель нашей сестры. Взгляд пламенных очей чуть исподлобья, легкое движение соболиной бровью, намек на улыбку в уголках губ – и вот самая добродетельная девица уже готова немедленно рухнуть на спину, как можно выше подобрав все свои юбки. Что же говорить о дамах постарше и поопытней?! Они ведь за версту чуяли умелого любовника, который способен доставить женщине великое наслаждение, а потому гонялись за Франциском толпами, умоляя доказать им свое монаршее расположение. Ну что ж, отказа никто не встречал, да и осечки у Франциска тоже не случалось. Не зря же он звался истинным королем-рыцарем!

Что характерно, рыцарственная галантность короля проявлялась не только в том, что он спешил оказать услугу любой и каждой просительнице со страстным огоньком в очах. Он еще и защищал своих дамочек от чрезмерной ревности их мужей! Скажем, как-то раз он принялся ухаживать за одной из придворных дам и в самое скорое время получил от нее знак: ворота крепости откроются победителю нынешним же вечером. Король явился за подтверждением заявления о капитуляции, однако у входа в покои фрейлины наткнулся на мужа этой дамы. Сей достойный господин, отчего-то (нет, ну в самом деле, отчего?!) нипочем не желавший украсить свою голову рогами, стоял со шпагой на изготовку и, судя по безумному взору, уже готов был отправить на небеса своего короля, а потом и последовать за ним. Но не у него одного имелась шпага, а главное, король владел своей куда более виртуозно. Грозный супруг и шевельнуться не успел, а Франциск уже приставил свою шпагу к его груди и пригрозил, что немедленно насадит его на острие, словно каплуна на вертел, если тот не даст клятву: никогда он не причинит зла своей жене, что бы та ни сделала, ну а если нарушит клятву, может немедленно отправляться на эшафот, самостоятельно или в сопровождении конвоя, это уж как ему больше понравится. Посрамленный супруг удалился, потирая царапину на груди, в том месте, где ее коснулось острие королевской шпаги, ну а король зашел к даме и осуществил над нею свои права властелина и любовника. Можно также сказать, что он осуществил над нею и супружеские права, поскольку муж ее был нынче ровно ни на что не годен!

На тот случай, если не случится поблизости какой-нибудь благородной дамы, готовой к его услугам, Франциск всюду возил за собой нескольких хорошеньких шлюшек, которых любовно называл – «мои маленькие разбойницы». Король был не слишком-то ревнив и охотно делился «разбойницами» с придворными кавалерами, а также с иностранными послами, в чьих постелях девчонки самоотверженно шпионили для обожаемого короля, прокладывая путь к чужим государственным тайнам своими телами.

Добавим, кстати, что спустя несколько лет будущая невестка Франциска I, Екатерина Медичи, возьмет с него пример и организует «летучий эскадрон красавиц», которые будут успешнейшим образом выполнять самые что ни на есть деликатнейшие ее поручения в самых что ни на есть разнообразнейших постелях.

Впрочем, не о том речь. Пора вернуться к Франсуазе де Шатобриан, этой бретонской розе, слухи об удивительной красоте которой дошли и до Блуа, а значит, и до короля. А королевский двор без красивой женщины, как уже упоминалось, все равно что год без весны и весна без роз... Разумеется, Франциск захотел иметь бретонскую розу при своем дворе, а желательно и в своей постели. Но ведь нужно было еще заманить в Блуа сию твердыню добродетели!

Франциск, надо сказать, славился не только амурными подвигами, но и проворным умом. Он мигом смекнул, что, прежде чем закрутить роман с этой дамой, нужно наладить отношения с ее мужем, который, между прочим, был владельцем немалой части французских земель и таким вассалом, отношения с которым портить не стоило бы. Король вызвал Жана де Лаваль во дворец и всячески обласкал. И только потом позволил себе выразить некоторое удивление, почему сеньор Шатобриана явился ко двору один, без жены. Или, может быть, она нездорова?..

А следует сказать, что Жан де Лаваль давно слышал о распутном нраве короля и имел все основания опасаться, что на его семейную честь будет предпринято наступление. Поэтому он запретил жене даже нос высовывать из дому без его особого приглашения.

В словах владельца Шатобриана крылась изрядная хитрость, и вот в чем она состояла. Жан де Лаваль предвидел, что король будет непременно выманивать Франсуазу из родового замка, но надеялся, что, когда он поймет безуспешность этого, осаду снимет. Ведь Франциск, к услугам которого была любая женщина королевства, не отличался склонностью к долгим ухаживаниям. Значит, все дело лишь в том, чтобы он потерял терпение. А потому, уезжая из Шатобриана, Жан де Лаваль приказал ювелиру изготовить два одинаковых кольца. Одно дал Франсуазе, другое надел на свой палец и строго оным пальцем погрозил жене:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.